

(принципи) потребують співпраці об'єкта і суб'єкта місії. Це: повага до культурних традицій і звичаїв; уникнення примусу, котрий би примусив особу покинути віру батьків; непоширення неправдивої інформації; незастосування фінансової допомоги для здобуття вірних; уникнення образливої термінології; не звинувачення інших у відсутності духовності; відмова від дискредитації церковного мистецтва, що використовується у храмах, на тій підставі що воно суперечить Декалогу; не експлуатація необізнаності людей; непоширення неправдивої інформації щодо інших релігій; відмова від державної допомоги у поборюванні конкурентів.

А.Пчелинцев* (Москва, Россия)

ПОНЯТИЯ «ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИЯ» И «СЕКТА»: ИХ СУЩНОСТЬ И ПРАВОМЕРНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Термины «традиционная религия» и «секта» достаточно часто употребляются на бытовом уровне и в средствах массовой информации. Однако ни в Конституции РФ, ни в законодательстве они не встречаются. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» содержит юридически нейтральные дефиниции – «религиозные объединения», которые делятся на «религиозные группы» и «религиозные организации» (ч.2 ст.6). Никаких иных терминов в данном контексте законодатель не применяет. Хотя многие, очевидно, помнят, что в проекте преамбул упомянутого закона содержался термин «традиционные религии». Однако в дальнейшем законодатель отказался от этого термина. Вместо него появилось иное определение: «Федеральное Собрание Российской Федерации, ... признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, ... принимает настоящий Федеральный закон».

Случайно ли исчез термин «традиционные религии»? Думается, что нет. Порой отдельная фраза и даже слово в законе способны существенно повлиять на правоприменительную практику. Термину «традиционные религии», широко используемому в обыденной жизни, непросто дать нормативно четкое и однозначное толкование. С какого момента начинается традиция? Где хронологические, количественные и качественные критерии этого понятия? Сравните тысячелетнюю историю русского православия, прочно укорененного в русской культурой традициях и имеющего на сегодняшний день в стране около 9 тысяч религиозных объединений, и 130-летнюю историю русского баптизма, глубоко влияющего на жизнь и быт своих последователей и имеющего около тысячи религиозных объединений. Вопрос: баптизм – традиционная для России религия? По логике – да. Но не все с этим согласятся, и кто-то будет доказывать обратное. Несомненно, такие споры на теоретическом уровне хороши среди философов и религиоведов, на они губительны для правового акта. Язык закона должен быть лаконичен, ясен и доступен для понимания. Он не должен содержать дефиниции, допускающих различное толкование одного понятия. Это один из важнейших принципов нормо-творческой деятельности.

Вернемся к преамбуле Федерального закона. Наряду с православием, исламом, буддизмом и иудаизмом в ней названы христианство и другие религии. Однако христианство, помимо православия, включает в себя католицизм и протестантизм. Последний, в свою очередь, объединяет только в России около полутора десятков деноминаций. Можно ли их все отнести к традиционным для России? Едва ли.

Кроме того, добавка «и другие» внесла неопределенность и заведомо принизила попытку законодателя особо выделить уважаемые (читай: традиционные) религии. Слишком широкими оказались ворота.

Означает ли сказанное, что термин «традиционные религии» не имеет права на существование в отечественном законодательстве? Отнюдь нет. Но в этом случае законодателю, очевидно, придется дать исчерпывающий перечень традиционных религий (без добавления «и другие») и возможные пути получения этого статуса. Подобный опыт имеется в ряде европейских государств. Например, в ст.5 закона Литовской Республики «О религиозных

* Директор Института религии і права (м.Москва)

общинах и сообществах» (1995 г.) называются девять традиционно существующих в Литве религиозных общин и сообществ, представляющих часть исторического, духовного и социального наследия Литвы. Это – католики латинского обряда, католики восточного обряда, евангелисты-лютеране, евангелисты-реформаты, православные, старообрядцы, иудеи, мусульмане-сунниты и караимы. Чтобы получить статус государственного признания, т.е. традиционной религии, необходим срок не менее 25 лет после первичной регистрации в Литве.

Другой пример: испанское законодательство о религиозной свободе разделяет религиозные организации, учитывая историю возникновения, развития и поддержку среди населения, на четыре группы: 1) католическая церковь; 2) достаточно глубоко укоренившиеся церкви; 3) церкви, не обладающие статусом укоренившихся, но зарегистрированные в реестре; 4) религиозные группы, называемые сектами или новыми религиозными движениями.

Аналогичный опыт имеется и в других странах. При этом церковь отделена от государства и последнее является светским. То есть, в рамках модели церковно-государственных отношений, схожей с российской, наблюдается определенная дифференциация религиозных организаций в зависимости от их исторического вклада в становление и развитие нации, культуры, быта и традиций народов. Государство при этом, как правило, занимает позицию благожелательного нейтралитета по отношению ко всем религиям.

Таким образом, несмотря на всю сложность вопроса, нельзя исключить в будущем возможность использования в отечественном законодательстве термина «традиционные религии». Однако сделано это должно быть максимально корректно без ущемления правды и достоинства религиозных меньшинств.

Что касается слова «секта» (производное — «тоталитарная секта»), то оно не является научным термином и в религиозоведческой литературе практически не используется. Его живучесть в современном русском языке связана с предрассудками, уходящими в историю Отечества. При наличии господствующей государственной православной религии все остальные религии были терпимыми либо гонимыми. В дореволюционном законодательстве даже присутствовало понятие «зловредная и менее зловредная секта». К таковым царский режим относил, например, ряд протестантских течений. Отсюда рецидивы мышления, которые дают о себе знать и поныне.

Так, в 1993 г. одним из православных подворьев г.Москвы была издана, а в 1995 г. переиздана брошюра под названием «Баптисты как наиболее зловредная секта». Это репринтное издание 1912 г. наглядно показывает неразвитость современного правового мышления как издателей, так и общества в целом, низкий уровень культуры межконфессиональных отношений.

Напомню, что все крупнейшие религии в начале своего пути были не более чем сектами. По логике упомянутых издателей, римский император Нерон поступал правильно, когда жестоко преследовал и публично казнил первых христиан как представителей культа, отколовшегося от иудаизма и противостоявшего язычеству.

Важно отметить, что термин «секта» не встречается в основополагающих международно-правовых документах, касающихся области свободы совести. Правда, он упоминается в ряде решений Европейского парламента и на национальном уровне некоторых европейских государств. Так, Парламентская комиссия Франции выработала даже четкие критерии для определения секты. К ним комиссия отнесла дестабилизацию сознания, разрыв семейных и иных связей, огромные финансовые притязания, посягательства на физическую и психическую целостность, нанесение увечий, изоляцию, незаконную медицинскую практику, сексуальные посягательства, проституцию, вовлечение в свою деятельность детей и др. Это вызвало острую дискуссию среди религиоведов не только во Франции, но и во многих странах. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что в силу исторически сложившейся практики, ментальности русского народа и его культуры, термин «секта» воспринимается в России менее нейтрально и терпимо, нежели в Европе. Это слово, по сути, имеет ругательно-оскорбительный оттенок. Не случайно Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации в своем Решении от 12 февраля 1996 г. №4 (138) прямо указало, что данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет безусловно негативную смысловую нагрузку и, употребляя его, журналисты могут оскорбить чувства верующих. Судебная палата считает, что «автор материала ..., неоправданно использовав термин «секта» в отношении Свидетелей Иеговы, нарушил тем самым нормы журналистской этики».

На некорректность термина «секта» в современном русском языке указывают и ученые-филологи. Мы разделяем мнение ученых и считаем, что в официальных документах надлежит использовать терминологию, применяемую в законодательстве о свободе совести, либо нейтральный термин «новые религиозные движения».

(Статтю передруковано із часопису “Релігія і право” (Москва, № 2 за 1999 р.)

**Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский
(Москва, Россия)**

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НОВОГО ВРЕМЕНИ: ЛИБЕРАЛИЗМ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙСЯ ЕВРОПЫ

"Вникай в обстоятельства времени", - говорит священномученик Игнатий Богоносец. Этот завет особенно актуален сегодня, в канун начала третьего тысячелетия. Какие проблемы выдвигает перед нами уходящее столетие? В чем состоит вызов нашей эпохи?

Завершающееся ныне столетие выдвигает в число первоочередных проблему, от успешного решения которой во многом будет зависеть дальнейшая судьба мирового сообщества. Фундаментальный вызов эпохи, в которую всем нам выпало жить, состоит, по моему глубокому убеждению, в необходимости выработки человечеством такой цивилизационной модели своего существования в XXI в., которая предполагала бы всемерную гармонизацию драматически разнонаправленных императивов неолиберализма и традиционализма. Перед Западом и Востоком стоит труднейшая, но отнюдь не безнадежная задача совместного отыскания баланса между прогрессом в сфере соблюдения прав личности и меньшинств, с одной стороны, и сохранением национально-культурной и религиозной идентичности отдельных народов - с другой.

Даже не будучи покуда сформулированной в надлежащих социополитических и культурологических категориях, потребность в адекватном и солидарном ответе на этот цивилизационный вызов нашего времени ощущается повсеместно и с чрезвычайной остротой. Ибо неаявная для многих, но оттого не менее реальная подоплека военно-политических, культурно-религиозных, национальных и иных противостояний, свидетелями которых мы являемся в посткоммунистическую эпоху, состоит именно в сопротивлении консервативного начала и традиционалистского мировосприятия форсированному, если не сказать насильственному, утверждению неолиберальных ценностей. В этом заключается внутренний сюжет идейной драмы наших дней.

XX век стал исторической ареной, на которой в жестоком противоборстве последовательно сменяли друг друга пары непримиримых соперников: монархия и республика, фашизм и коммунизм, тоталитаризм и демократия. Две мировые войны и одна "холодная война" - таков горестный итог идеологической бескомпромиссности в нашем веке. В этом контексте представляется совершенно естественной и понятной та эйфория, которая охватила мир, измученный балансированием двух сверхдержав на грани ядерного апокалипсиса, при известии о советской перестройке.

Да, господство идеологизированного сознания, являющегося порождением гордыни и суетности человеческого разума, а потому неоднократно обнаруживавшего свою духовную нищету и приносившего неисчислимые бедствия народам, ныне серьезно поколеблено. Но на смену соперничеству идеологий идет новое и трудновращаемое соперничество: глобализм и универсализм как выражение принципа всеобщего против консерватизма и традиционализма, как выражения принципа единичного и отдельного. Поэтому сегодня, как и во времена библейские, краеугольным камнем человеческого общежития остается принцип, столь исчерпывающе сформулированный испанским социальным мыслителем Хосе Ортегой-и-Гассетом: "Цивилизация - это прежде всего воля к сосуществованию". Но воля к сосуществованию предполагает в качестве обязательного условия признание за другим права на жизнь. И поскольку отблеск Божественной истины несет на себе как концепция прав и свобод человека, так и принцип национально-